

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ

**СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

**THE SOVIET PROJECT OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM:
A RETHINKING OF HISTORICAL EXPERIENCE**

This article discusses the meaning, formation and evolution of the Soviet Project – the concept and practice of social reorganization in Russia inspired by Marxist philosophical ideas and fulfilled during the period from the Bolshevik Revolution of 1917 until the collapse of the Soviet regime in 1991. On the basis of the cognitive theory approach in historical studies, the author examines the fundamental factors of cognitive adaptation from a *longue durée* perspective – the role of Communist myth in the formation of the Soviet state, the ideological and legal foundations of one-party dictatorship and the role of institutional continuity in the formation of the current political system. He presents the place of the permanent “building blocks” (ideology, nominal constitutionalism, and stable patterns of functioning) as well as the place of the changing parameters of the Project (Soviet, federative and class-oriented regulation) regarding their formal and informal influence on the political regime’s legitimacy and cumulative impact on the system’s transformation and failure. This enables a general evaluation of the Soviet project of social constructivism in comparative perspective and its influence on post-Soviet ideological priorities, the political system and prospects for its modernization.

Keywords: Soviet Project, cognitive history, constructivism, Communism, the Soviet state, federalism, one-party dictatorship, nominal constitutionalism, Perestroika, Post-Soviet transformation, revolution’s legacy, constitutional authoritarianism, social and political modernization

Andrei N. Medushevsky – DSc in Philosophy, tenured professor at the National Research University Higher School of Economics. E-mail: amedushevsky@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4314-662X>

1 Citation: A. N. MEDUSHEVSKY, “Sovetskii proekt sotsial’nogo konstruirovaniia: pereosmyslenie opyta v sravnitel’noi perspektive” [Soviet Project of Social Constructivism: The Rethinking of Historical Experience], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 11–42. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.1

Историческая динамика новой и новейшей истории определяется конкуренцией больших мессианских проектов, предложенных так называемыми «великими революциями» и созданными ими государствами, в основе которых обязательно лежат системообразующие мифы (положения, принимаемые на веру), картина мира которых претендовала на абсолютное, безапелляционное и всемирное значение, а социальная практика соответствующих политических режимов состояла в ее распространении и даже насильственном навязывании всему человечеству. С позиций теории и методологии когнитивной истории² целесообразно специальное научное исследование этих проектов конструирования – выяснение их смысла для современников, отраженного в фиксированных программных документах, правовых актах и проектах социального переустройства, их сравнительный анализ, выяснение их содержательного наполнения, вариативности рецептов решения общих проблем человечества, технологий и мотивации социальной инженерии, а в конечном счете обсуждение критериев позитивного и негативного вклада во всемирной истории.

Советский Проект, реализация которого была начата в ходе большевистской революции 1917 г. и формально завершена с крушением СССР в 1991 г., – вполне соответствует общим критериям определения доминирующего проекта социального конструирования определенной эпохи, которые были выработаны при изучении других великих революций – в историографии американской, французской, китайской, мексиканской и иранской революций к их значимым юбилеям³. Он характеризуется четким системообразующим мифом, включает программу создания общества и человека нового типа, подчинен единой логике реализации, а его политическое значение выходит за хронологические рамки фактического существования. Данный проект стал методом системного изучения к столетнему юбилею русской революции

2 О. М. Медушевская, *Теория и методология когнитивной истории*, в *Собрание сочинений в 4 томах*, Т. 1. *Философия истории и теория исторического познания* (М.: Direct-Media, 2017), 65–418.

3 *The Revolution, the Constitution, and America's Third Century* Vols. 1–2: The Bicentennial Conference on the United States Constitution, April 5–8, 1976. (The American Academy of Political and Social Science, University of Pennsylvania Press, 1976); *Dictionnaire Critique de la Révolution Française*. Sous la direction de François Furet et Mona Ozouf (Paris, Flammarion, 1992); ALAN KNIGHT, *The Mexican Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987).

в 2017 г.⁴, завершившись реконструкцией идеологических, конституционных и институциональных параметров осуществления⁵.

В постсоветской России значение этих исследований определяется, как минимум, тремя обстоятельствами – юридическим признанием правопреемственности России в отношении СССР как в международном, так и национальном праве; сохранением элементов советской легитимности в массовом сознании (доходящим до требований возвращения к ее истокам); расколом современного российского общества в отношении к советскому проекту и его атрибутам (по данным социологов, имеет место деление общества практически пополам – на противников и сторонников советской модели, причем констатируется рост интереса молодежи к ней)⁶, влиянием данного проекта на конструирование постсоветской политической системы.

МЕСТО СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ВО ВСЕМИРНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В основу мессианских проектов глобального социального конструирования нового и новейшего времени могут быть положены различные и даже диаметрально противоположные ценности – религиозные (пуританская революция XVII в. в Англии или исламская революция в Иране 1979 г.), принципы рационализма эпохи Просвещения (Французская и Американская революции), новая идеологическая трактовка принципов социального равенства (Русская, Мексиканская и Китайская революции), идеи расового господства (фашистские движения в Европе XX в.), националистические идеи (революции в постколониальных странах) или, наконец, неолиберальные ценности (антикоммунистические конституционные революции в Европе конца XX в.), своеобразным отголоском которых стали так называемые «цветные революции»

4 *Революционная мысль в России XIX — начала XX века* (М.: РОССПЭН, 2013); *Культура и власть в СССР 1920-1950-е годы. Материалы международной научной конференции в Спб. 24–26 октября 2016 г.* (М.: РОССПЭН, 2017); *Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы. Материалы X международной научной конференции 5–7 декабря 2017 г.* (М.: РОССПЭН, 2018).

5 А. Н. Медушевский, *Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке* (М.-Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017).

6 Л. Гудков, «1917 год в структуре легитимности российской власти», *Неприкосновенный запас*, no. 116 (2017): 154–172.

на постсоветском пространстве в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

В целом, при всем различии идеологических оснований (включая появление идеологических гибридов), все эти революции имеют нечто общее – они выдвигают определенный проект, играющий доминирующую роль в процессе социального конструирования, а его внутренняя логика (более или менее жесткая) определяет рамки конструирования, процессы информационного обмена, систему коммуникаций, параметры идеологического и правового регулирования (нормы и санкции за их нарушение), формулировку конечных целей и задач (а во многом даже параметры их трансформации по ходу реализации проекта)⁷. Именно советский эксперимент социальной инженерии стал отправной точкой формирования специального научного направления XX в. – социологии революций⁸.

Место Советского проекта в социальной и политической истории России XX в. является центральным, связывая имперский и постсоветский периоды истории страны. Схематично, ход и результаты развития российской политической системы XX века укладываются в логику смены трех республик⁹.

Первая республика, существовавшая лишь девять месяцев (с февраля по октябрь 1917 г.), выдвинула формулу республиканского устройства (в виде парламентской или смешанной президентско-парламентской республики), близкую идеалам социал-либерализма ряда стран Европы того же периода (основными ориентирами разработчиков

-
- 7 CRANE BRINTON, *The Anatomy of Revolution* (New York: Vintage, 1965); THEDA SKOCPOOL, *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980); François FURET, *La Révolution Française* (Paris: Hachette, 1988), Vol. 1–2; MICHAEL S. KIMMEL, *Revolution. A sociological Interpretation* (London: Temple University Press, 1990); JAROSLAV KREJCI, *Great Revolutions Compared. The Outline of Theory* (London: Harvester Wheatsheaf, 1994); ENRIQUE KRAUZE, *Biografía del Poder. Caudillos de la Revolución Mexicana (1910–1940)* (Mexico: Tusquets, 2009); Э. Х. КАРП, *Русская революция от Ленина до Сталина 1917–1929* (М.: Интер-Версо, 1990).
- 8 PITIRIM A. SOROKIN, *The Sociology of Revolution* (London, 1924); А. М. ОНУ, *Социологическая природа революций*, в *Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову, 1859–1929* (Прага: Орбис, 1929); А. БОГДАНОВ, *Всеобщая организационная наука* (Тектология) (М.-Л.: Книга, 1925); Н. УСТРЯЛОВ, *Под знаком революции* (Харбин, 1927); Л. КРИЦМАН, *Героический период великой русской революции (опыт анализа военного коммунизма)* (М.-Л.: Госиздат, 1926).
- 9 *Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. Под ред. К. А. Соловьева (М.: НЛО, 2021).

проектов Учредительного собрания стали Третья республика во Франции и проекты Веймарской республики в Германии)¹⁰.

Вторая республика, определившая себя как Республику Советов (1917–1991) – положила в основу своего конструирования коммунистический или радикально-социалистический проект, длительное время обсуждавшийся в левом европейском социал-демократическом движении, – провозгласила торжество новой формы советской демократии, но закончила установлением одного из самых жестких деспотических режимов однопартийной диктатуры в истории и прекратила свое существование в условиях хаоса, вызванного распадом СССР.

Третья республика (начало которой положено Декларацией о государственном суверенитете России 12 июня 1990 г. и принятием Конституции 1993 г.), полностью отвергла советский эксперимент, восстановив тем самым преемственность с традициями первой республики – выдвинула либеральную идеологическую основу республиканского строя, опираясь в его конструировании на идеи международного права и принципы неоллиберализма, закрепив дуалистическую форму правления (образцом которой выступила Пятая Французская республика), но со сверхпредставленными прерогативами главы государства как гаранта необратимости демократических изменений¹¹.

Смена трех моделей республиканского устройства происходила не эволюционным, но революционным путем, исключая идеологическую или юридическую преемственность соответствующих режимов и их легитимирующей формулы. Однако общей основой этих поисков адекватной российской республиканской модели является попытка согласовать три ключевых принципа – верховенства права (что было лейтмотивом Первой республики), социального федеративного государства как преддверия коммунистического строя (что объявлялось главной целью Второй республики) и либеральной демократии (что определило легитимность перехода к Третьей республике). Данная модель республиканского устройства, однако, не создала прочную основу постсоветского социального консенсуса и продолжает оспариваться как левыми, так и правыми оппонентами политического режима, выступающими за ее пересмотр с позиций социально-либерального республиканизма, либо, напротив, возвращения вспять к имперско-

10 *Либералы и революция. Девятые «Муромцевские чтения»*. Под ред. Д. В. Аронова (Орел: Издательский дом «Орлик», 2017), 12–33.

11 *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории* (М.: Ельцин-Центр, 2011).

советской традиции. В перспективе это не исключает движения к созданию четвертой республики, контуры которой, возможно, уже обрисованы конституционной реформой 2020 г.

ПРИРОДА СОВЕТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО МИФА

Реконструкция мифа всякой революции позволяет понять систему основополагающих представлений (символов), основанных на вере, но не на знании. Важная специфика советского мифа выражена понятием «светская теократия»¹². Советский миф воплощает противоречивую комбинацию метафизических и реалистических представлений – с одной стороны, целиком основан на вере (утопический идеал коммунизма в марксистско-ленинской версии)¹³, с другой, сам этот идеал отстаивает право на существование в силу своей научности – полного соответствия так называемым «законам истории», действие которых непреложно и неизбежно ведет к провозглашенному результату, представляя собой вариант самореализующегося прогноза¹⁴. Это противоречие советского основополагающего мифа (в отличие от монистических теократических и рационалистических конструкций) – делает его внутренне неустойчивым. Таким образом советский миф – попытка квазирелигиозного обоснования масштабной стратегии социального конструирования, реальный смысл которого состоял в осуществлении модернизации традиционного общества в идеологизированных формах. Содержание мифа определялось постулатами утопической коммунистической идеологии – марксизма-ленинизма, отстаивавшего свой научный характер по сравнению с предшествующими версиями социалистического учения; его структура – вполне логична (во многом соответствует структуре религиозного мифа), а функция – вполне реальна – поддержание легитимности идеократии т.е. однопартийной диктатуры в интересах направленного социального конструирования – насильственной неправовой модернизации, не считающейся с социальными издержками.

12 Понятие «светской теократии» для характеристики политической системы СССР неоднократно использовал лидер Перестройки: М. С. ГОРБАЧЕВ, *Жизнь и реформы* (М.: Новости, 1995), т.1.

13 Насчитывается до 40 разновидностей марксизма: LESZEK KOLAKOWSKI, *Hauptstammungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall* (München: Piper, 1981), Bd. 1–3.

14 А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, «Миф русской революции: структура, эволюция и вклад в социальную трансформацию XX–XXI века», в *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?*, Под ред. А. П. Заостровцева (СПб: Леонтьевский центр, 2017), 156–175.

На основе и в когнитивных рамках данного мифа обществу была предложена новая версия общественного договора. Декларативные принципы Советского Проекта преобразований внешне соответствуют тем, которые фиксируются теорией рационального выбора. Данный выбор формально опирался на всю полноту доступной обществу информации («научная» теория); включал неписанный (но подразумеваемый) «договор» между обществом и властью (коммунистической партией); фиксировал права и обязанности сторон на определенный период времени (от установления диктатуры до построения коммунизма); определял этапы движения по этому пути (стадии построения социализма и коммунизма); предоставлял гарантии реализации фундаментальных целей проекта и способы возможной тактической корректировки движения к нему; вводил систему обратных связей между обществом и элитой («всенародные обсуждения»); предполагал определенные ограничения прав во имя достижения цели (включая идеологически мотивированные репрессии); закреплял образцы приемлемого и неприемлемого (преступного) поведения (подвергавшегося остракизму), наконец, делегировал властные полномочия по достижению цели государству, т.е. правящей партии и ее лидеру, способных проявлять феноменальную инструментальную эффективность в достижении поставленных целей¹⁵.

На практике этот выбор оказался совершенно иррационален, поскольку основывался на утопической картине мира, включал ложные когнитивные ориентиры, не содержал механизмов их промежуточной корректировки и вообще не мог в аутентичной форме быть реализован на практике¹⁶. Впрочем, для сторонников Советского проекта он и сегодня выступает как особый тип рациональности – «цивилизационный выбор» страны, основанный на осознанном отказе от западного парламентаризма и возвращении к «самобытным» традициям российской исторической государственности¹⁷. Ключевыми особенностями советского общественного договора (в отличие от его версий в либеральных демократиях) могут быть названы: во-первых, признание окончательности исторического выбора общества в пользу коммунизма (исключавшее саму возможность обсуждения основополагающего мифа или его альтернативных интерпретаций); во-вторых, невозможность пересмотра договора как действующими, так и будущими

15 См. напр.: М. Левин, *Советский век* (М.: Европа, 2008), 243.

16 М. Геллер, А. Некрич, *Утопия у власти* (London: Overseas Publications Interchange, 1982).

17 С. КАРА-МУРЗА, *Советская цивилизация* (М.: Алгоритм, 2001), Т. 1.

поколениями (которым, фактически, навязывался выбор первого революционного поколения); в-третьих, отсутствие демократических механизмов корректировки положений договора в связи с изменением обстоятельств или интересов сторон (эта функция делегировалась от всего общества его передовому классу, а последним – руководству партии, которая выступала единственным легитимным авторитетом толкования идеологических положений договора).

Механизм эрозии большевистского проекта социального конструирования определяется психологическим законом соотношения приближения к «положительной» и «избегания» отрицательной цели: стремление избежать отрицательной цели (восстановление капитализма) усиливается более быстрыми темпами, чем стремление достичь заявленной положительной цели (коммунизма) по мере приближения к ней. Следствием становится включение компенсаторного механизма постепенной подмены целей и средств их осуществления, определяемое понятием «когнитивное смещение». Когнитивная особенность большевизма как светского социального движения (в отличие от религиозного экстремизма) состояла в его неспособности к гибкому разрешению противоречия между утопией и реальностью, идеологической догмой и знанием, научным прогнозом и социальной практикой. Фундаментальным фактором становился невротический комплекс большевизма – выражение вытесненных страхов затухания «мировой революции» в максимизации контроля и репрессий, ведущих к стагнации режима¹⁸. В этом заключается главное противоречие системы – заявляя о построении наивысшего типа демократии в истории, она делала упор на восстановление механизмов управления российского самодержавия XVI — начала XX вв., последовательно исключавших ограничения абсолютизма представительными формами власти.

Причинами утверждения данного мифа (и проекта социального конструирования) в СССР, а также его мощного влияния в мире (где это влияние с разной степенью интенсивности охватывало до половины человечества в XX в.) следует признать концепцию социальной справедливости (фактического равенства), основанную на представлениях доиндустриального общества¹⁹. Коммунистический миф являл-

18 А. Н. Медушевский, «Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории», *Общественные науки и современность*, no. 5 (2013): 114–126.

19 *Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken*. Hrsg. N. Plotnikov (München: Wilhelm Fink, 2019), 423–460.

ся, поэтому, ретроориентированным – стремился создать в будущем совершенное общество, параметры которого определялись исходя из представлений о «золотом веке» всеобщего равенства, существовавшем будто бы до эпохи капитализма и частной собственности, результатами которых признавались все негативные явления – неравенство, коррупция и эксплуатация. Подобные уравнилельные настроения были свойственны прежде всего крестьянству эпохи промышленной революции, культивировались в крестьянской общине (или родственных ей институтах в других обществах, восходящих едва ли не к родовому быту), а потому рассматривались как справедливое и действенное средство противостоять главному социальному злу – экономическим формам капитализма и частной собственности, ведущим к распаду традиционного жизненного уклада²⁰.

В этом состоит причина широкого распространения Советского Проекта – успешные попытки его реализации (за пределами стран, непосредственно контролируемых СССР) имели место в основном в традиционном аграрном обществе и включали сходный алгоритм действий – принятие коммунистического мифа, осуществление социальной мобилизации традиционалистских слоев – насильственной модернизации под руководством революционной партии, руководство которой оказывалось вне правового контроля (данный феномен подробно рассмотрен в рамках теории т.н. аграрных революций, обобщившей именно эти ключевые параметры)²¹. Эволюция данного социального проекта в СССР (где она включала как минимум пять основных этапов) подчинена известной общей логике – движению от утопии к реальности по мере остывания революционной лавы.

ИДЕОЛОГИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

Основные несущие блоки Советского Проекта (как и других столь же масштабных проектов) – идеология (и основанная на ней система этических представлений), право (система кар и наград) и паттерны функционирования политического режима. Их соотношение в целом

20 *Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории*. Под ред. П. П. Марченко, С. Ю. Разина (М.: Изд. Ипполитова, 2014).

21 BARRINGTON MOORE, *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: The Beacon Press, 1966).

оставалось стабильным: основой конструирования всегда выступала идеология (программы партии 1903, 1918, 1961 гг., а также новая редакция третьей программы 1986 г.). Право имело номинальный характер, будучи вторичным по отношению к идеологии: конституционный контроль имел не судебный, но исключительно политический характер, что открывало перспективы толкования правовых норм путем их наполнения различным идеологическим содержанием.

Провозгласив утопический идеал Государства-Коммуны как альтернативу традиционному типу государственности, большевистская революция видела его воплощение в «Трудовой республике», а последняя свелась к «Республике Советов», продемонстрировавшей тенденции к олигархическому правлению уже на начальном этапе существования²². Осуществив Октябрьский государственный переворот и распустив Учредительное собрание во имя коммунизма и особой «пролетарской» демократии, большевики столкнулись с отсутствием сколько-нибудь разработанной программы построения нового общества и государства, правовой легитимации собственных претензий на власть²³. Общими принципами, которые могли быть положены в основу конструирования нового общества стали чрезвычайно неопределенные положения К. Маркса о Коммуне как «предвестнике нового общества» и «новой политической форме»²⁴, политико-правовым выражением которых признавались Манифест Коммунистической партии 1848 г., программа Первого Интернационала, не вступившая в действие яacobинская конституция 1793 г., и, особенно, потерпевшая крушение модель Парижской коммуны 1871 г.²⁵.

22 А. Н. Медушевский, «Миф Коммуны и становление Советского государства (к переосмыслению Конституции РСФСР 1918 года)», *Общественные науки и современность*, по. 4 (2015): 121–140; Он же: «Государство-Коммуна: эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения», *Мир России* 28, по. 2 (2019): 63–83; Он же: «Демократические и олигархические тенденции в большевистской революции: генезис советской рабочей бюрократии», *Вопросы теоретической экономики*, по. 1 (2022): 102–125. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_102_125

23 *Юристы и революция: Pro et Contra*. Под ред. С. М. Шахрая, К. П. Краковского (М.: Кучково поле, 2017).

24 К. Маркс, *Гражданская война во Франции*, Соч. 2 изд. Т. 17. (М., 1960), 317–370.

25 *Парижская коммуна: акты и документы; эпизоды кровавой недели*. Под ред. Г. Зиновьева (Пг.: Издательство Коммунистического Интернационала, 1920); *Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года*. Под ред. В.П.Волгина (М.: Изд. АН СССР, 1959–1960. Т. 1–2); *Первый интернационал и Парижская коммуна: документы и материалы* (М.: Издательство политической литературы, 1972).

Неопределенность конструкции Республики Советов выражалась в отсутствии единого названия будущего государства: оно определялось с позиций коммунистического конфедерализма как «Коммуно-государство», «Всемирная трудовая республика», «Мировая федеративно-демократическая республика», и «Федеративная социалистическая республика», с позиций классового унитаризма как «Российская социалистическая республика» или «Российская социалистическая советская республика», или с позиций национально-территориального автономизма как «Российская социалистическая федеративная советская республика» и т.д., что отражало нестабильность представлений о месте федеративного принципа в государственном устройстве создаваемой РСФСР.

Динамика соотношения права и политического режима в СССР была более гибкой, но в целом определялась решением мобилизационных задач. Советские конституции (1918, 1924, 1936, 1977 гг.), а также их российские клоны (1925, 1937, 1978 гг.) фиксируют этапы социальной мобилизации и совпадают с пиками репрессий – роспуском Учредительного собрания и Гражданской войной, подавлением национального сепаратизма, организацией Большого террора (1937–1938 гг.), а также преодолением либерализации периода «Оттепели». Соответственно, в периоды ограничения репрессий (как это было в начале 1960-х гг. и в период Перестройки 1980-х гг.) новые конституции принять не удавалось²⁶.

Соотношение трех блоков регулирования – идеологии, номинального права и функционирования режима – цементировалось в легитимирующей формуле и институте вождя – культе личности (по советской терминологии). Институт вождя – закономерность системы, воспроизводящей данный институт на всех этапах существования (а также в других странах, заимствовавших данную модель политической системы)²⁷. Вождь выполнял ряд важнейших функций – верховного жреца и истолкователя идеологического символа веры, медиатора трех параметров советского проекта, координатора институтов власти и групп элиты. Они соединялись в главной когнитивной функции – определении смысла социального конструирования.

26 В. Л. Шейнис, *Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках* (М.: Мысль, 2014); А. Н. Медушевский, «Конституционные комиссии в СССР: структура, состав, механизмы деятельности», *Гражданское общество в России и за рубежом*, по. 1–2 (2016).

27 Б. Энкер, *Формирование культа Ленина в Советском Союзе* (М.: РОССПЭН, 2011); *Режим личной власти Сталина. К истории формирования* (М.: Издательство МГУ, 1989); *Осмыслить культ Сталина*. Под ред. Х. Кобо (М.: Прогресс, 1989).

Структурные параметры конструирования политической системы представлены тремя ключевыми принципами – советским, федеративным и классовым. В отличие от несущих блоков, эти параметры находились в гибком соотношении и менялись с течением времени. Советский принцип вообще не был изобретен большевиками – он обобщил самопровозглашенные архаичные институты первичной коллективистской демократии, спонтанно возникшие в условиях коллапса государства и ориентированные преимущественно на выполнение функций перераспределения имущества, контроль и подавление (эти функции представлены в типологически сходных институтах ряда других марксистских социальных революций). Большевики, не имея собственной концепции государственного устройства, просто использовали данный институт в мобилизационных целях, доктринально провозгласив его исторической альтернативой парламентаризму и разделению властей. Иначе обстояло дело с принципами федерализма (отсутствовавшего в истории России) и классового суверенитета, ставшего основой конфигурации всей системы однопартийной диктатуры. Поиск соотношения трех принципов составил содержание начального этапа реализации Советского Проекта.

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК МОДЕЛЬ ВСЕМИРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Интеграционная идея транснационального (наднационального) политического устройства была широко представлена после Первой мировой войны в Европе как способ предотвращения будущих конфликтов (проекты Соединенных Штатов Европы) и, наконец, получила осуществление на исходе XX в. в форме Европейского Союза, дискуссии о правовой природе которого не завершены до настоящего времени²⁸. Данная идея изначально отвергалась большевиками как инструмент консервации империалистических тенденций, но возможность ее реализации допускалась в будущем в контексте ожидания мировой коммунистической революции. Концепция подобной интеграции на новых коммунистических основаниях ставила проблему соотношения прин-

28 *Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия. Коллективная монография.* Под ред. А. А. Дорской, С. В. Бочкарева (Спб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2016).

ципов конфедерации, федерализма и унитаризма при обсуждении формулы Советской Республики²⁹.

Миф Государства-Коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию³⁰. Все проекты Конституции отталкивались от этого мифа или, во всяком случае, подразумевали его³¹, отразив в конституционной комиссии три различных концепции построения государственности – территориально-производственную, корпоративистскую и национально-территориальную с жесткой привязкой к классовой диктатуре.

Первая, территориально-производственная, концепция Республики представлена идеей Государства-Коммуны как выражения воли профсоюзных объединений. «Трудовая республика, – в понимании эсеров-максималистов, – есть политически федеративное государство с широкой автономией отдельных областей и народов, ее составляющих»³². Это «сложное государство» – союз пяти профессиональных федераций – земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга). Общая союзная власть, носящая надпрофессиональный характер, состоит из центральных и местных органов. Центральными организациями являются Верховный союзный конгресс, Союзный Совет, Союзный Трибунал и Союзный Суд (последние два органа, в зависимости от организации суда, могут быть объединены)³³.

Вторая, – корпоративистская (или «коммунальная») трактовка Республики видела основу суверенитета в объединении союзов различного типа – коммун³⁴ или союзов, «составленных на местах федератив-

29 О различных идеях всемирной конституции см: *Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.* «XII Муромцевские чтения». Материалы международной научной конференции 9–10 октября 2020. Под ред. Д. В. Аронова (Орел: ОГУ им. И.С.Тургенева, 2020), 13–36.

30 *Конституция РСФСР (Основной закон)*. Принята V Всероссийским Съездом Советов (М., 1920).

31 Основные проекты опубликованы в кн.: Г. С. Гурвич, *История советской конституции* (М.: Социалистическая Академия, 1923).

32 Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов // ГА РФ. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

33 Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартеном // ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д.85. Л.13–15.

34 Доклад члена Комиссии М.А.Рейснера об основных началах Конституции РСФСР// ГА РФ. Ф.6980. Оп.1. Д.12. Лл. Л. 97а–113.

ных общин» с региональными и центральными съездами советов – от съезда коммунальных Советов в провинции к областям и съезду советов РСФСР. Завершением становилось создание «великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации вселенной». В рамках данной конструкции институтов власти, предполагалась нейтрализация и примирение отдельных эгоистических интересов, открывающая «путь к необходимой гармонии, на почве подчинения интересам целого, воплощенном в Совете»³⁵. В случае победы мировой революции и образования Федеративного Союза соединенных социалистических федеративных республик Российская республика входит в него на тех же основаниях «в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов». В целом построение политической системы должно вестись не сверху, а снизу – путем концентрации полномочий в региональных структурах власти и институтах с последующим их делегированием в центр³⁶.

Третья – национально-территориальная концепция построения Республики формально была выдвинута И. Сталиным (выражавшим в Комиссии позицию В. Ленина) в тезисах «О типе Федерации Российской советской республики», которая определялась как переходный политический режим в форме «диктатуры пролетариата и деревенской бедноты», а государственное устройство – как федерация автономий³⁷. В проекте Сталина – «Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики»³⁸, оказавшего определяющее влияние на исход споров, национально-областной принцип построения Республики почти полностью вытеснен классовым – формирование всей вертикали институтов советской власти подчинено задачам создания «мощной всероссийской политической власти».

Представленный Ю. Стекловым общий «План Советской Конституции» аккумулировал различные подходы – четко соответствовал концепции Коммуны как «Республики Советов», но подразумевал ее централистско-иерархическую интерпретацию. Вводная часть вклю-

35 Доклад члена Комиссии М.А.Рейснера «Об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики» // ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д. 86. Л. 20–35; Ф.130. Оп.2. Д. 66.

36 ГА РФ.Ф.6980. Оп.1. Д. 5. Л.12.

37 О типе федерации Российской Советской власти. Тезисы Сталина // ГА РФ. Ф.6980. Оп.1. Д. 2. Л. 81.

38 См. две редакции проекта Сталина: «Общие положения Конституции Р.Сов.Фед. Республики» и «Общие положения Конституции Рос. Соц. Фед. Сов. респ.» // ГА РФ. Ф. 6980. Оп.1. Д. 12. Лл. Л.80– 82.

чала декларацию прав трудящихся – «социализм как цель; самостоятельность трудовых масс как средство; интернационализм; права и обязанности трудящихся перед социалистическим отечеством и перед Интернационалом». Структурную основу Республики составляет принцип «федерации наций» и подразделение власти на федеративную и центральную. В рамках этой системы была выстроена иерархия советов (волостные, городские, уездные, губернские, областные, федеративные), компетенции их органов во главе с Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК и СНК, причем предполагалось конституционно разрешить вопросы соотношения федеративных и региональных советских структур, их формирования, бюджетного права и распределения ответственности³⁹.

Образование СССР в 1922 г. не смогло преодолеть противоречий конкурирующих концепций государственного устройства⁴⁰. В Конституции СССР 1924 г. была принята модель государственного устройства, не имеющая аналогов в истории: формально-юридически являясь конфедерацией (допускавшей право сепарации как дань интернациональным коммунистическим принципам самоуправления), она объявляла себя федерацией (формально организованной по национально-территориальному принципу), но выстроенной как корпоративистское государство в виде иерархической пирамиды советов различного уровня, а на деле являясь унитарным государством имперского типа⁴¹. Структурное противоречие данной модели – ее асимметрия, выраженная феноменом «федерации внутри федерации» (как, напр., РСФСР внутри СССР), что, по мнению современников, делало ее сходной со структурой управления Британской колониальной империей.

Принципиальное значение имело согласование субъектов трех уровней – союзных республик, автономных республик (внутри союзных) и всех прочих образований (области, края, губернии, города). Ре-

39 «План Советской Конституции» Ю. Стеклова// ГА РФ.Ф. 6980. Оп.1. Д.1. Л.7.об.; Д.12. Л. 147; См. также: План Советской Конституции (Стеклова)// ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Л.19, 226–227.

40 В. И. ИГНАТЬЕВ, *Советский строй* (М.-Л.: Госиздат, 1928). Он же: *Конституция Союза ССР в ее возникновении, развитии и изучении* (М.-Л.: Госиздат, 1926). А. М. Турбинер, *Очерки государственного устройства СССР* (М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1925). Н. С. ТИМАШЕВ, *Политическое и административное устройство СССР* (Париж, 1931).

41 1917 год: *Государство. Власть. Территория. Доклады международной научной конференции 25 октября 2017 г.*, под ред. Л. Д. Шаповалова (М.: Политическая энциклопедия, 2017).

гулирование системы советского федерализма шло преимущественно за счет субъектов второго уровня, прежде всего национальных автономий, статус которых был близок к союзным республикам (за исключением права сепарации) и позволял регулировать всю систему в направлении большей или меньшей централизации. Мы определяем эту конструкцию федерализма как своеобразную «модель для сборки», основное преимущество которой заключалось в контроле над искусственно созданной асимметрией в интересах центральной власти. Понятно, однако, что в случае ослабления этого Центра данная неработоспособная система федерализма тяготела к распаду⁴².

В перспективе крушения СССР и воспроизводства ряда признаков данной модели в постсоветской России сохраняет значение вопрос о ее определении. В литературе встречаем ее определения как советской, имперской и даже унитарной концепции федерализма, а ее функционал раскрывается противоположным образом – от представления ее как колониальной до определения как «инкубатора наций»⁴³. В действительности она соединяла все эти особенности, представляя скорее номинальный федерализм, встроенный в единую вертикаль власти.

СТАТИКА И ДИНАМИКА В РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: МЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС НОРМ СОЦИАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ АДАПТАЦИИ

В контексте проблемы стабильности Советского проекта заслуживает обсуждения вопрос о соотношении статики и динамики в его продвижении. Если одни считают, что данный проект (по крайней мере в том модифицированном виде, какой он принял в эпоху сталинизма) не менялся и даже не мог измениться в принципе (в силу логики его системообразующих принципов), толкая общество к неизбежной стагнации в будущем, то другие настаивают на гибкости проекта, связанной как с возможностями различной интерпретации его идеологических терминов, так и изменением соотношения параметров регулирования – в пользу большей или меньшей адаптивности к новым условиям об-

42 А. Н. Медушевский, «Конституция 1924 года: как и где были заложены причины крушения СССР? Ч. 1-2», *Сравнительное конституционное обозрение* 104, no. 1 (2015): 117–129, 105 no. 2 (2015): 118–131.

43 *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. Под ред. Р. Суни, Е. Мартина (М.: НЛО, 2011).

щественного развития. В исторической ретроспективе сегодняшнего дня разрешение дилеммы усматривается в значении не столько фундаментальных идеологических конструкций (в целом имевших ограниченный ресурс пересмотра), сколько в меняющемся соотношении формальных и неформальных норм и практик системы, вынужденной реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Как показывают наши исследования, их баланс вовсе не оставался неизменным и демонстрирует разнонаправленные векторы развития на этапе формирования системы, ее консолидации и упадка. В период формирования системы (1918-1922 гг.) преобладали неформальные принципы («революционное самосознание», вообще отрицавшее традиционное право), в период консолидации системы (1923-1936) вектор развития состоял в переходе от неформальных отношений к более формализованным («революционная законность»), с тем, чтобы обрести в начале 1930-х гг. четкое выражение в официальной доктрине «социалистического права», сведшей воедино такие противоречивые постулаты как революционное сознание, законность, целесообразность и диктатура.

Особенностью сталинской реконструкции советского проекта стало жесткое разделение формальных и неформальных правил функционирования общественной и политической жизни⁴⁴. Первые, формальные (декоративные) нормы, фиксировались в сталинской Конституции 1936 г., с целью придания большей легитимности власти внутри и вовне страны, вторые, неформальные нормы, – нигде не фиксировались, признавались по умолчанию, но на деле обеспечивались системой идеологического, морального и экстраправового воздействия на психику индивида и общества. Взаимодействие двух различных регуляторных систем на когнитивном уровне достигалось путем внедрения «двоемыслия» – такого переключения сознания с одного типа норм на другой, которое не поддавалось формальной фиксации, но целиком зависело от контекста, ситуации и обстоятельств, заставляя индивида проявлять чудеса изобретательности с целью выживания в «стране победившего социализма»⁴⁵.

Преодоление неизбежного когнитивного диссонанса и обеспечение монолитности всей системы регулирования социального по-

44 А. Н. Медушевский, «Сталинизм как модель социального конструирования», *Российская история*, no. 6 (2010): 3–29.

45 Н. ВЕРТ, *Террор и беспорядок. Сталинизм как система* (М.: РОССПЭН, 2010).

ведения достигалось тремя основными способами – полной информационной изоляции общества (уничтожение всех альтернативных коммуникативных систем и источников информации), индоктринации идеологических постулатов (массированная пропаганда и выстраивание дисциплинированного «диалога» между обществом и властью в виде, напр., «всенародного обсуждения» Конституции) и массового террора как формы обеспечения коллективной кровавой поруки (Большой террор и предшествующие ему политические процессы над «врагами народа»). В целом данные практики способствовали внедрению скорректированной трактовки советской легитимности (оставшейся неизменной фактически до конца советского строя); закреплению нового порядка отношений общества и государства (с полным преобладанием последнего); формализации конституционных основ режима в рамках «советской теории государства и права» (вытеснившей все отклоняющиеся юридические теории); установлению тотального контроля над обществом и введения репрессивной машины подавления, действующей не только против реальной, но и потенциально возможной (или подразумеваемой) оппозиции⁴⁶.

Этим достигалось сразу несколько целей – отказ от выполнения принятых обязательств по немедленному осуществлению утопических обещаний (если во время Гражданской войны говорили о победе коммунизма в мировом масштабе в течение нескольких лет, то затем этот идеал был отодвинут в неопределенное будущее, уступив место построению «основ социализма» в одной стране); легитимация сохранения однопартийной диктатуры на весь переходный период (вопреки ранее дававшимся обещаниям об отмирании государства); введение четких новых правил социального поведения и санкций за их неисполнение. В социальных отношениях этот курс выражался в корректировке «общественного договора» – жесткой увязке прав и обязанностей населения в отношении «советского государства», причем с явным перевесом последних (в контексте решения задач коллективизации, индустриализации и плановой экономики); в политической сфере – замена ленинской теории непосредственной советской демократии идеей так называемого «советского парламентаризма» – конструкцией государственной власти, формально основанной на всеобщих выборах и внешне напоминавшей систему разделения властей (замена съездов советов и ЦИК конструкцией всенародно избираемого Верховного со-

⁴⁶ П. Соломон, *Советская юстиция при Сталине* (М.: РОССПЭН, 2008).

вета с двухпалатной структурой во главе с «коллективным президентом» – его Президиумом), однако при тщательном конституционном камуфлировании реальной власти партийного аппарата и неограниченной единоличной власти вождя⁴⁷.

В период деконструкции системы постсталинского периода (1960–1980-е гг.) вектор развития определялся, напротив, стремлением к легализации неформальных норм и практик с целью преодоления разрыва между ними в интересах обеспечения социальной базы и легитимности режима внутри и, особенно, вне страны. Достичь этой цели стремились двумя способами – попыткой конституционализировать идеологию (превращением коммунизма в своеобразную юридическую фикцию в проекте несостоявшейся хрущевской конституции 1964 г.)⁴⁸ или, напротив, последовательным конституционным закреплением основного института, производящего все идеологические и правовые нормы – КПСС (отражением ее руководящей роли в ст.6 Конституции 1977 г.)⁴⁹.

В ходе этих поисков стала возможна новая трактовка «общественного договора», связанная с появлением формулы «общенародного государства», предполагавшей пересмотр соотношения ключевых принципов – советского, федеративного и классового. Но этот пересмотр ставил вопросы, подрывавшие смысл Советского проекта: если государство стало общенародным, то пролетариат перестал быть его авангардом; зачем, тогда, нужна партия, представляющая его интересы; если партия сохраняется (а ее роль закреплена в Основном законе), то каков ее правовой статус – стоит она по-прежнему над Конституцией, действует в соответствии с ней и насколько ограничена ее положениями? В советской реальности эти вопросы, конечно, не получили решения. Конституционализация партии – момент истины для всего советского проекта социального конструирования, наиболее четкое

47 Докладная записка тов. Брежневу Л. И.: некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962).

48 Проект: Конституция СССР. Основной закон (август–сентябрь 1964 г.) // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Лл. 109–219. См.: А. Н. Медушевский, «Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект Конституции периода «Оттепели» (1961–1964)», *Сравнительное конституционное обозрение* 94, no. 3, 95 (2013): 132–144, no. 4 (2013): 144–154.

49 *Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик* (М.: Правда, 1977). См.: А. Н. Медушевский, «Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партий?», *Общественные науки и современность*, no. 3 (2014): 84–97.

выражение движения советского проекта от утопии к реальности, рутинизации революционной харизмы. Но юридическое определение в Конституции КПСС – этого метафизического и сакрального института советской системы (как ранее самодержавия в Российской империи), – означало вступление на путь, ведущий к распаду легитимирующей формулы власти советской однопартийной диктатуры.

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛСЯ РЕФОРМАЦИОННЫЙ ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА?

Крушение Советского проекта на исходе XX века позволяет лучше понять его структурные параметры и причины сбоев реализации. Кризис данной модели социального конструирования развивается по тем же параметрам, что и ее создание. Перестройка М. Горбачева изначально задумывалась как корректировка проекта, но не его отмена. Это была Реформация, идеология которой имела ретроспективный характер (возвращение к мифическим «ленинским нормам» федерализма и непосредственной демократии для оздоровления системы), цели которой вытекали из растущего осознания элитой тупика существующей модели и эрозии легитимности советского строя. Задачи сводились к модернизации системы на основе новой интерпретации учредительного идеологического мифа – превращения «светской теократии» в социальное правовое государство (на основе социал-демократических идеологических установок «гуманного социализма»)⁵⁰.

Это предполагало решение следующих задач переходного периода: деидеологизацию и рационализацию общества («новое мышление» как отказ от классовой доктрины); трансформацию идеологии в право (принятие доктрины «прав человека» путем «демократизации» политической системы); введение ограниченной свободы слова («гласность»); допущение индивидуальной предпринимательской деятельности («кооперативное движение»); реализация принципов демократического федерализма (противопоставленных его предшествующей унитаристской интерпретации); сближение права и реальности (переход от номинального советского права к реальному); принятие доктрины ограниченного политического плюрализма (отказ от моно-

⁵⁰ *Ценности Перестройки в контексте современной России* (М.: Горбачев-фонд, 2015).

полии партии на власть и допуск «неформальных общественных движений»; институциональные преобразования (передача власти «от партии к советам»); а в конечном счете замена однопартийной диктатуры политической системой с разделением властей («советский парламентаризм с президентской властью»)⁵¹. Вся терминология эпохи перестройки, включавшая эвфемизмы (напр., «социалистическая демократия» вместо демократии, «гласность» вместо свободы слова и т. д.) говорит о поиске компромисса базовых оснований и ценностей советского проекта с элементами новой реальности эпохи глобализации, открытости и информационной революции, – компромисса, который, однако, не удалось осуществить на практике.

На деле результатом Перестройки стал срыв управляемого характера преобразований и коллапс Советского проекта по его системообразующим параметрам: эрозия идеологии (классового принципа) вела к ослаблению партийной монополии на власть с отменой 6-й статьи Конституции 1977 г. (силы, являвшейся, как выяснилось, основным ресурсом поддержания единства всей конструкции); ослабление этой монополии (внутриэлитный конфликт между сторонниками и противниками преобразований, а также центральными и региональными группами) вел к постановке проблемы федерализма, а неспособность ее решения (в силу отсутствия правовых форм и дееспособных институтов разрешения конфликтов) актуализировала обращение националистов к принципу конфедерализма – конституционному праву сепарации национальных республик, которое ранее было нереализуемо и рассматривалось как чисто символическое; итогом становился отказ от легитимирующей формулы власти и ее институтов в виде советов и партии. Общим следствием этих процессов стала дезинтеграция СССР – возврат к ситуации, типологически сходной с распадом Российской империи в 1917 г.⁵²

Реальными результатами Перестройки стали – крушение коммунистического мифа, Советского проекта и основанного на нем интеграционного объединения, деидеологизация государства, отказ от

51 Итоги этих изменений представлены в новой редакции конституции: *Конституция (Основной закон) СССР с изменениями и дополнениями, внесенными законами СССР от 1 декабря 1988 г.; 23 декабря 1989 г., 14 марта и 26 декабря 1990 г.* (М., 1991).

52 Принципиально различные подходы к объяснению крушения СССР сохраняют значение: С. Коэн, *Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза* (Спб.: АИРО – XXI, 2007); «О причинах крушения СССР и становлении новой России», *Сравнительное конституционное обозрение* (2015): 101–116; А. Н. Медушевский, «Перестройка и причины крушения Советского Союза с позиций аналитической истории», *Российская история*, no. 6 (2011): 3–30.

однопартийной диктатуры, введение смешанной формы правления с постом Президента СССР, унаследовавшего объем полномочий, которым ранее располагал глава государства позднего монархического периода и генеральный секретарь советского периода. Тот факт, что распад страны произошел дважды за одно столетие (в 1917 и 1991 гг.), а ситуация вновь вернулась к исходному положению, существовавшему до начала реализации советского проекта, заставляет усомниться в существовании научного плана реформ Перестройки как главной причины ее крушения.

Это позволяет поставить ряд общих вопросов: был ли Советский проект продолжением предшествующего имперского проекта или означал разрыв с ним; в какой мере он вообще был реформируем и если был, то на какой стадии реализации; объясняется его крушение отсутствием внутренней гомогенности, противоречиями основных параметров конструирования или отсутствием гибкости сознания партийной элиты и тактическими ошибками проведения преобразований? Возможна ли была эволюционная трансформация советской политической системы по китайскому образцу – сохранение идеологических догм путем их наполнения новым прагматическим содержанием? Все эти вопросы, несомненно, актуальны для постсоветского периода становления российской государственности.

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЦИКЛ: РАЗРЫВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЛЕГИТИМИРУЮЩЕЙ ФОРМУЛЫ ВЛАСТИ В XX В.

Оценка места советского проекта в русской исторической традиции – центральная тема всех дискуссии к столетию революции. С этих позиций решается вопрос о разрыве и преемственности имперской (монархической), революционной (советской) и современной республиканской (президентской) формул власти, влиянии советской легитимности на результаты конституционной революции 1993 г. и логику формирования постсоветской политической системы.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы Российской империи в редакции 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской (или

смешанной) республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами – «государство-коммуна», «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»; 4) переходный режим периода Перестройки, определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»; 5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление сверх-представленной президентской власти.

В отличие от классических европейских революций XVII–XIX вв., русская революция не знала завершающей фазы Реставрации как реализованного компромисса общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности в форме восстановления монархии. Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм – конституционно-демократической (всеобщие выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархической (неограниченный характер власти главы государства, поставленной над системой разделения властей). Конституция 1993 г. последовательно приняла формулу Учредительного собрания – определила Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, одновременно наделив президента огромными конституционными полномочиями – гаранта конституции, главы государства, определяющего приоритеты внутренней и внешней политики, располагающего практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона⁵³. Синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепциях «демократического цезаризма», персоналистского режима и символике имперского президентства⁵⁴.

53 *Основы конституционного строя России: двадцать лет развития* (М., ИПП, 2013); *Конституционный Суд России: осмысление опыта* (М.: Центр конституционных исследований, 2022).

54 *Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности*. Под ред. В. А. Рыжкова (М.: Школа гражданского просвещения, 2019).

Завершением и формальным выражением этого тренда стала масштабная конституционная реформа в России 2020 г.⁵⁵. В содержательном отношении блок поправок вполне логичен в решении задач завершающей (реставрационной) фазы любого большого конституционного цикла. В рамках постсоветской ситуации принципиальные изменения затрагивают следующие идеологические параметры: глобализации – противопоставлена защита национального суверенитета; приоритету международного права – верховенство конституции и национальных судов; абстрактному рационализму гуманитарного права – историзм, учитывающий конкретные формы его реализации; идеологии либерализма – консерватизм в социальных, семейных и нравственных ценностях; теории естественных прав человека – увязывание прав и обязанностей с учетом национальных приоритетов и специфики; космополитизму – патриотизм; идеям неограниченности свободного рынка – принципы солидаризма, социального партнерства и государственного патернализма. В концепции государства изменения отражают приоритеты власти: разрыву преемственности государственности в начале и конце XX в. – противопоставляется восстановление этой преемственности в культурных и правовых формах; кооперативному федерализму – централизм; разделению уровней и ветвей властей – их соединение в рамках единой системы публичного права; принципу правового государства – государство неоимперского типа с квазимонархической властью главы государства; принципу сменяемости власти – идея ее преемственности, пока – в исключительном случае⁵⁶.

В политическом отношении поправки создают гиперцентрализованную систему, где публичный интерес преобладает над любым частным интересом: все уровни управленческой иерархии и институты власти подчинены поддержанию функционального единства, воплощенного и выраженного в институте главы государства, представшего воплощением «гражданского мира и согласия в стране», гарантом суверенитета и единства системы публичной власти. Данный тип политической системы не является простым воспроизводством известных исторических форм российской власти – монархии, однопартийной

55 Конституция Российской Федерации с последними изменениями на 2022 год (М.: Эксмо, 2022).

56 А. Н. Медушевский, «Возрождение империи? Российская конституционная реформа 2020 на фоне глобальных изменений», *Вестник Европы*. Т. 53/54 (2020): 82–97.

диктатуры или президентской республики. Поправки, скорее, юридически оформляют основы системы конституционного авторитаризма, – системы, формально наделяющей главу государства неограниченной властью, и фиксируют новую легитимирующую формулу – плебисцитарный авторитаризм с персоналистским типом правления, когда любое участие населения в выборах или референдуме начинает восприниматься как плебисцит о доверии действующему лидеру.

Таким образом, начало и конец революционного цикла XX в. – демонстрируют не только разрыв, но и преемственность российской политической традиции. В длительной исторической перспективе советский проект, при всей оригинальности, составляет ее органическую часть. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства – политического лидера – остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. При всех разрывах формально-правового обоснования восстанавливается преемственность имперской, революционной и республиканской формул – российское имперское президентство.

ИТОГИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Итоги Советского Проекта могут быть подведены в сравнении с другими аналогичными или схожими проектами направленного социального конструирования. Его основным внутренним противоречием стала избранная идеология, поскольку в качестве светской теократии он имел двойную легитимность – квазирелигиозную (вера в неизбежное торжество коммунизма во всем мире) и рациональную (отсылка к законам исторического процесса, которые доказываются научно и могут быть положены в основу планомерной и целенаправленной социальной практики по конструированию нового общества). Противоречие между этими двумя типами легитимности неизбежно подрывало единство системообразующего мифа, заставляя постоянно соотносить и корректировать их интерпретацию, которая не могла оставаться неизменной с течением времени и сменой внешних и внутренних вызовов.

Общая динамика этого соотношения выражается предложенным М.Вебером понятием «расколдовывания мира», т. е. постепенным движением от утопии к реальности. От идеи коммунистического государ-

ства, выдвинутой в начале реализации советского проекта и на короткое время реанимированной в период «Оттепели» (конец 1950-начало 1960-х гг.), политический режим перешел к когнитивной редукции исходных установок – концепции построения социализма в одной стране (1936 г.), а затем «развитого социализма» (в 1977 г.). Сама эта концепция подверглась эрозии с развитием кризиса режима – провозглашением, что страна находится только в начальной стадии этого пути (1983 г.), а совершенствование «развитого социализма» займет целую историческую эпоху. Наконец, с началом демократических реформ (1985 г.) произошел окончательный отказ от концепции «развитого социализма», а период ее господства объявлен «стагнацией». Вместо нее выдвигается концепция новой исторической эпохи – перехода к «гуманному социализму», перестройке и «социалистическому парламентаризму». Но на этом пути советский проект становился чрезвычайно уязвим при выстраивании несущих блоков системы – идеологии, права и политики; параметров устройства государства (советский, федеративный и классовый принципы); определения соотношения формальных и неформальных практик; норм и реальности, деклараций и практических шагов реализации; целей и средств их достижения. В конечном счете советский проект проделал эволюцию многих метафизических идей социального конструирования, прошедших стадии завышенных ожиданий, разочарования, фиксации в прагматических терминах и разрушения, закончив свое существование в виде карикатуры на изначально принятые лозунги.

Социальное содержание советского проекта определяется нами формулой – модернизация в форме ретрадиционализации. Эта формула не является его уникальной особенностью, поскольку все массовые мобилизационные движения в истории, особенно революции, апеллируют к традиции – идеям утраченной исторической справедливости, а на практике часто ведут к разрушению достигнутых более высоких цивилизационных форм во имя подразумеваемого социального прогресса. Когнитивная формула этого процесса – мифологизация и идеализация определенного социального проекта, прагматические достижения которого оказываются несопоставимы с его социальными издержками. Данный процесс может иметь разное завершение – в зависимости от того, каким образом элите удастся выйти из порочного круга заданных утопических представлений, заменив их на рациональные и эффективные принципы социальной и правовой регуляции.

С этих позиций результаты Советского Проекта выглядят амбивалентно. С одной стороны, в его рамках была осуществлена глубокая насильственная социальная трансформация традиционного аграрного общества – пребывание в светском, индустриальном, урбанизированном массовом обществе, основанном на принципах демократии, формального равенства и конституционного строя. С другой стороны, Советский проект (в отличие, напр., от проекта Французской и других европейских революций) не завершил политической трансформации общества решением ее ключевых проблем – создания единой гражданской нации; децентрализации власти и управления (федерализм остается скорее декларацией, чем реальностью), формирования функционирующей демократической системы (полноценной политической конкуренции вместо имитационной многопартийности) и правового государства с разделением властей (которой противостоит существующая система плебисцитарного авторитаризма), профессиональной национальной элиты и понятных процедур смены лидерства (что актуально в контексте проблемы 2024 г.). В целом политическая и правовая система, уйдя от номинального советского права, действует в режиме конституционного авторитаризма, выводя принятие ключевых политических решений из сферы социального контроля.

Таким образом, Советский Проект, формально завершив свое существование в 1991 г., по-прежнему оказывает мощное влияние на российскую политическую реальность, требуя критического анализа и переосмысления. Обществу необходимо решить, от какого наследия оно отказывается; существует ли преемственность между имперским, советским и постсоветским периодами российской истории; является ли советский проект органической частью этой преемственности или, напротив, ее разрывом, наконец, какие элементы данного проекта социального конструирования следует безусловно отвергнуть, а какие, возможно, переосмыслить и сохранить в иной конфигурации. С позиций теории когнитивной истории крушение одного проекта не только не исключает, но предполагает создание другого, поскольку конструирование вообще является естественным способом познания мира и целенаправленной человеческой деятельности. Важно, однако, чтобы новый проект социального конструирования, построенный на иных основаниях и принципах, включал научное переосмысление предшествующих экспериментов, прежде всего – исключительно информативного опыта советского проекта социальной инженерии.

References

D. V. ARONOV (Pod red.), *Liberally i revoliutsiia. Deviatye "Muromtsevskie chteniia"* [Liberals and Revolution: The Ninth "Muromtsev Readings"] (Orel: Izdatel'skii dom Orlik, 2017), 12–33.

D. V. ARONOV (Pod red.), *Obshchestvenno-politicheskaia mysl' rossiiskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv. "XII Muromtsevskie chteniia". Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–10 oktiabria 2020* [The Socio-Political Thought of Russian Liberalism in the Middle of the 18th – Early 20th Centuries. "12th Muromtsev Readings". Materials of an international academic conference October 9–10, 2020] (Orel: OGU im. I. S. Turgeneva, 2020), 13–36.

Iu. M. BATURIN et al (pod. red.), *Epokha El'tsina. Ocherki politicheskoi istorii* [The Yeltsin Era: Essays in Political History] (M.: El'tsin-Tsentr, 2011).

A. BOGDANOV, *Vseobshchaia organizatsionnaia nauka* [The Academic Discipline of General Organization] (Tektologiya) (M.-L.: Kniga, 1925).

CRANE BRINTON, *The Anatomy of Revolution* (New York: Vintage, 1965).

B. ENKER, *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soiuze* [Formation of the Cult of Lenin in the Soviet Union] (M.: ROSSPEN, 2011).

FRANÇOIS FURET, *La Révolution Française*, Vol. 1–2 [The French Revolution, Vol. 1–2] (Paris: Hachette, 1988),

FRANÇOIS FURET et MONA OZOUF (dir), *Dictionnaire Critique de la Révolution Française* [A Critical Dictionary of the French Revolution] (Paris: Flammarion, 1992).

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]

– F. 130 (SNK), Op. 2. D. 85. L. 2. Proekt osnov Konstitutsii trudovoi respubliki, vyrabotannyi Ispolnitel'nym biuro soiuza sotsialistov-revoliutsionerov-maksimalistov [Draft Foundations of the Constitution of the Labor Republic, developed by the Executive Bureau of the Union of Socialist-Revolutionary Maximalists]

– F. 130. Op. 2. D. 85. L. 13–15. Proekt, sostavlennyi privat-dotsentom N. Rengartenom [A Project compiled by Privatdozent N. Rengarten]

– F. 130. Op. 2. D. 86. L. 20–35, F. 130. Op. 2. D. 66. Doklad chlena Komissii M. A. Reisnera "Ob osnovnykh nachalakh Konstitutsii RFSS Respubliki [Report of Commission-member M.A. Reisner "On the Main Principles of the Constitution of the R.F.S.S. Republic"]

– F. 1235. Op. 94. L. 19, 226–217. Plan Sovetskoï Konstitutsii (Steklova) [The Plan of the Soviet Constitution by Ju. Steklov]

– F. 6980. Op. 1 D. 1. L. 7, D. 12. L. 147. Plan Sovetskoï Konstitutsii Ju. Steklova [The Plan of the Soviet Constitution by Ju. Steklov]

– F. 6980. Op. 1. D. 2. L. 81. O tipe federatsii Rossiiskoi Sovetskoï vlasti. Tezisy Stalina. [On the Type of Federation of Russian Soviet Power: Stalin's Theses]

– F. 6980. Op. 1. D. 12. L. 80–82. Obshchie polozheniia Konstitutsii R. Sov. Fed. Respubliki, Obshchie polozheniia Konstitutsii Ros. Sots. Fed. Sov. resp. [General Provisions of the Constitution R.Sov.Fed. Republic, General Provisions of the Constitution Ros. Social Fed. Ows. Rep.]

– F. 6980. Op. 1. D. 12. L. 97a–113. Doklad chlena Komissii M. A. Reisnera ob osnovnykh nachalakh Konstitutsii RSFSR [Report of Commission-member M.A. Reisner "On the Main Principles of the Constitution of the RSFSR"]

- F. 7523. Op. 131. D. 1 (1962). *Dokladnaia zapiska tov. Brezhnevu L. I.: nekotorye dannye o podgotovke Konstitutsii SSSR 1936 goda i rassmotrenii etikh materialov u Stalina* [A Memorandum by Comrade. L. I. Brezhnev: Some Data on the Preparation of the Constitution of the USSR in 1936 and the Consideration of these Materials by Stalin]
- F. 7523. Op. 131. D. 28. *Proekt: Konstitutsiia SSSR. Osnovnoi zakon (avgust-sentiabr' 1964 g.)* [Project: The Constitution of the USSR. Basic Law (August–September 1964)]
- M. GELLER, A. NEKRICH, *Utopiia u vlasti* [Utopia in Power] (London: Overseas Publications Interchange, 1982).
- M. S. GORBACHEV, *Zhizn' i reformy*, T. 1. [Life and Reforms, Vol. 1] (M.: Novosti, 1995)
- L. GUDKOV, “1917 god v strukture legitimnosti rossiiskoi vlasti” [1917 in the Structure of the Legitimacy of the Russian Government], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 116 (2017): 154–172.
- G. S. GURVICH, *Istoriia sovetskoii konstitutsii* [A History of the Soviet Constitution] (M.: Socialisticheskaia Akademia, 1923).
- V. I. IGNAT'EV, *Konstitutsiia Soiuza SSR v ee vozniknovenii, razvitii i izuchenii* [The Constitution of the USSR in Its Origin, Development and Study] (M.-L.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1926).
- V. I. IGNAT'EV, *Sovetskii stroi* [The Soviet System] (M.-L.: Gosizdat, 1928).
- S. KARA-MURZA, *Sovetskaia tsvivilizatsiia*, T. 1. [Soviet Civilization, Vol. 1] (M.: Algoritm, 2001).
- E. H. KARR, *Russkaia revoliutsiia ot Lenina do Stalina 1917–1929* [The Russian Revolution from Lenin to Stalin 1917–1929] (M.: Inter-Verso, 1990).
- MICHAEL S. KIMMEL, *Revolution: A Sociological Interpretation* (London: Temple University Press, 1990).
- ALAN KNIGHT, *The Mexican Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987).
- J. KOBO (Pod red.) *Osmyslist' kul't Stalina* [Understanding the Cult of Stalin]. (M.: Progress, 1989).
- S. KOEN, *Vopros voprosov: pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuza* [The Question of Questions: Why Did the Soviet Union Disappear?] (Spb.: AIRO-XXI, 2007).
- LESZEK KOLAKOWSKI, *Hauptstämungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall*. Bd. 1–3. [Main Currents of Marxism: Emergence, Development and Decay. Vols. 1–3.] (München: Piper, 1981).
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics] (M.: Pravda, 1977).
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) SSSR s izmeneniami i dopolneniami, vnesennymi zakonami SSSR ot 1 dekabria 1988 g., 23 dekabria 1989 g., 14 marta i 26 dekabria 1990 g.* [The Constitution (Basic Law) of the USSR, as amended and supplemented by the laws of the USSR of December 1, 1988; December 23, 1989, March 14 and December 26, 1990] (M., 1991).
- Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii s poslednimi izmeneniami na 2022 god* [The Constitution of the Russian Federation with the latest amendments for 2022] (M.: Eksmo, 2022).
- Konstitutsiia RSFSR (Osnovnoi zakon). Priniata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov* [Constitution of the RSFSR (Basic Law). Adopted by the 5th All-Russian Congress of Soviets] (M., 1920).
- Kul'tura i vlast' v SSSR 1920–1950-e gody. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v Spb. 24–26 oktiabria 2016 g.* [Culture and Power in the USSR in the

1920s–1950s. Materials of an International Academic Conference held in St. Petersburg. October 24–26, 2016] (M.: ROSSPEN, 2017).

ENRIQUE KRAUZE, *Biografía del Poder. Caudillos de la Revolución Mexicana (1910–1940)* [A Biography of Power: The Leaders of the Mexican Revolution (1910–1940)] (Mexico: Tusquets, 2009).

JAROSLAV KREJCI, *Great Revolutions Compared: The Outline of Theory* (London: Harvester Wheatsheaf, 1994).

L. KRITSMAN, *Geroicheskii period velikoi russkoi revoliutsii (opyt analiza voennogo kommunizma)* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (Analysis of War Communism)] (M., L.: Gosizdat, 1926).

Iu. S. KUKUSHKIN (Pod red.), *Rezhim lichnoi vlasti Stalina. K istorii formirovaniia* [Stalin's Regime of Personal Power: On the History of Formation] (M.: Izdatel'stvo MGU, 1989).

M. LEVIN, *Sovetskii vek* [Soviet Century] (M.: Evropa, 2008), 243.

P. P. MARCHENIA, S. Iu. RAZIN (Pod red.), *Krest'ianskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii* [The Peasant Question in National and World History]. (M.: Izd. Ippolitova, 2014).

K. MARKS, *Grazhdanskaia voina vo Frantsii* [The Civil War in France], *Sobr. coh.*, izd. 2, T. 17 (M., 1960): 317–370.

O. M. MEDUSHEVSKAIA, “Teoriia i metodologiiia kognitivnoi istorii” [The Theory and Methodology of Cognitive History], v *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. T. 1. Filosofiiia istorii i teoriia istoricheskogo poznaniia* (M.: Direct-Media, 2017), 65–418.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Demokraticheskie i oligarkhicheskie tendentsii v bol'shevistkoi revoliutsii: genesis sovetskoi rabochei biurokratii” [Democratic and Oligarchic Tendencies in the Bolshevik Revolution: The Genesis of the Soviet Workers' Bureaucracy], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, no. 1 (2022): 102–125. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_102_125

A. N. MEDUSHEVSKY, “Fenomen bol'shevizma: logika revoliutsionnogo ekstremizma s pozitsii kognitivnoi istorii” [The Phenomenon of Bolshevism: The Logic of Revolutionary Extremism from the standpoint of Cognitive History], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 (2013): 114–126.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Gosudarstvo-Kommuna: eksperiment rabochei demokratii v Rossii 1918 g. i prichiny ego krusheniia” [The State-Commune: The Experiment of Workers' Democracy in Russia in 1918 and the Causes of Its Downfall], *Mir Rossii* 28, no. 2 (2019): 63–83.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Kommunizm kak sotsial'naia utopiia i iuridicheskaia fiktsiia: proekt Konstitutsii perioda ‘Ottepel’ (1961–1964)” [Communism as a Social Utopia and a Legal Fiction: A Draft Constitution for the Thaw Period (1961–1964)], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 94, no. 3 (2013): 132–144, 95 no. 4 (2013): 144–154.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Konstitutsiia 1924 goda: kak i gde byli zalozheny prichiny krusheniia SSSR? Ch. 1–2” [The Constitution of 1924: How and Where Were the Reasons for the Collapse of the USSR Laid Down? Part 1–2], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 104, no. 1 (2015): 117–129, 105 no. 2 (2015): 118–131.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Konstitutsiia “razvitogo sotsializma”: otkuda vziatsia printsip rukovodiashchei roli partii?” [The Constitution of “Developed Socialism”: Where Did the Principle of the Leading Role of the Party Come from?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3 (2014): 84–97.

A. N. MEDUSHEVSKY, "Konstitutsionnye komissii v SSSR: struktura, sostav, mekhanizmy deiatel'nosti" [Constitutional Commissions in the USSR: The Structure, Composition, Mechanisms of Their Activity], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1–2 (2016).

A. N. MEDUSHEVSKY (Pod red.), *Konstitutsionnyi Sud Rossii: osmyslenie opyta* [The Constitutional Court of Russia: Understanding the Experience]. (M.: Tsentr Konstitutsionnykh issledovaniy, 2022).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Mif Kommuny i stanovlenie Sovetskogo gosudarstva (k pereosmysleniiu Konstitutsii RSFSR 1918 goda)" [The Myth of the Commune and the Formation of the Soviet State (On the Rethinking of the Constitution of the RSFSR of 1918)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4 (2015): 121–140.

A. N. MEDUSHEVSKY, *Mif russkoi revoliutsii: struktura, evoliutsiia i vklad v sotsialnuu transformatsiiu XX–XXI veka* [The Myth of the Russian Revolution: Its Structure, Evolution and Contribution to the Social Transformation of the 20th – 21st Century], v *Rossii 1917–2017: Evropeiskaia modernizatsiia ili osobyi put'*, pod. red. A. P. ZAOSTROVTSOVA (Spb: Leont'evskii tsentr, 2017), 156–175.

A. N. MEDUSHEVSKY (Pod red.), *Osnovy konstitutsionnogo stroia Rossii: dvadtsat' let razvitiia* [Fundamentals of the Constitutional Order of Russia: Twenty Years of Development]. (M., IPPP, 2013).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Perestroika i prichiny krusheniia Sovetskogo Soiuz s pozitsii analiticheskoi istorii" [Perestroika and the Causes of the Collapse of the Soviet Union from the Standpoint of Analytical History], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2011): 3–30.

A. N. MEDUSHEVSKY, *Politicheskaiia istoriia russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions and Forms of Social Mobilization in the 20th Century] (M., Spb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Stalinizm kak model' sotsialnogo konstruirovaniia" [Stalinism as a Model of Social Construction], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2010): 3–29.

A. N. MEDUSHEVSKY, "Vozrozhdenie imperii? Rossiiskaia konstitutsionnaia reforma 2020 na fone global'nykh izmenenii" [Revival of an Empire? 2020 Russian Constitutional Reform against the Backdrop of Global Changes], *Vestnik Evropy*. T. 53/54 (2020): 82–97. BARRINGTON MOORE, *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: The Beacon Press, 1966).

"O prichinakh krusheniia SSSR i stanovlenii novoi Rossii" [On the Causes of the Collapse of the USSR and the Formation of a New Russia], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4 (2015): 101–116.

A. M. ONU, "Sotsiologicheskaiia priroda revoliutsii" [The Sociological Nature of Revolutions], v *Sbornik statei, Posviashennykh Pavlu Nikolaevichu Miliukovu, 1859–1929* (Praga, Orbis, 1929).

Pervyi international i Parizhskaia kommuna: dokumenty i materialy [The First International and the Paris Commune: Documents and Materials] (M., Izdatel'stvo Politicheskoy Literatury, 1971).

NIKOLAJ PLOTNIKOV (Editor), *Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken* [Justice in Russia: Languages, Concepts, Practices], (München: Wilhelm Fink, 2019), 423–460.

The Revolution, the Constitution, and America's Third Century Vols. 1–2: The Bicentennial Conference on the United States Constitution, April 5–8, 1976. (The American Academy of Political and Social Science, University of Pennsylvania Press, 1976).

V. A. RYZHKOV (Pod red.), *Rossiiia 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushennye vozmozhnosti* [Russia in 2018: A Quarter of a Century of Transformation: Successful Experiments and Missed Opportunities] (M.: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniia, 2019).

S. M. SHAKHRAI, K. P. KRAKOVSKII (Pod red.), *Juristy i revoliutsiia: Pro et Contra* [Lawyers and Revolution: Pro and Contra]. (M.: Kuchkovo pole, 2017).

L. D. SHAPOVALOV (Pod red.), *1917 god: Gosudarstvo. Vlast'. Territoriia. Doklady mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabria 2017 g.* [1917: State. Power. Territory. Reports from an International Academic Conference. October 25, 2017] (M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017).

V. L. SHEINIS, *Vlast' i zakon: Politika i konstitutsii v Rossii v XX-XXI vekakh* [Power and Law: Politics and Constitutions in Russia in the 20th -21st Centuries] (M.: Mysl', 2014).

THEDA SKOCPOL, *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980).

P. SOLOMON, *Sovetskaia iustitsiia pri Staline* [Soviet Justice under Stalin] (M.: ROSSPEN, 2008).

K. A. SOLOV'EV (Pod red.), *Res Publica. Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa XX veka* [Res publica: Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century] (M.: NLO, 2021).

PITIRIM A. SOROKIN, *The Sociology of Revolution* (London, 1924).

R. SUNI, E. MARTIN (Pod red.), *Gosudarstvo natsii: imperii i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin] (M.: NLO, 2011).

N. S. TIMASHEV, *Politicheskoe i administrativnoe ustroistvo SSSR* [The Political and Administrative Structure of the USSR] (Parizh, 1931).

Tsennosti Perestroiki v kontekste sovremennoi Rossii [The Values of Perestroika in the Context of Modern Russia] (M.: Gorbachev-fond, 2015).

A. M. TURUBINER, *Ocherki gosudarstvennogo ustroistva SSSR* [Essays on the State Structure of the USSR] (M.: Juridicheskoe Izdatel'stvo Narkomjusta RSFSR, 1925).

Uroki Oktiabria i praktiki sovetskoii sistemy 1920–1950-e gody. Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 5–7 dekabria 2017 g. [The Lessons of October and the Practice of the Soviet System in the 1920s–1950s: Materials of the 10th international academic conference. December 5–7, 2017] (M.: ROSSPEN, 2018).

N. USTRIALOV, *Pod znakov revoliutsii* [Under the Sign of the Revolution] (Kharbin, 1927).

N. VERT, *Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and Disorder: Stalinism as a System] (M.: ROSSPEN, 2010).

V. P. VOLGIN (Pod red.), *Protokoly zasedanii Parizhskoi kommuni 1871 goda* [Minutes of the Meetings of the Paris Commune of 1871]. (M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959–1960. T. 1–2).

V.V. ZHURAVLEV (Pod red.), *Revoliutsionnaia mysl' v Rossii XIX – nachala XX veka* [Revolutionary Thought in Russia in the 19th – Early 20th Century]. (M.: ROSSPEN, 2013).

G. ZINOV'EV (Pod red.), *Parizhskaia kommuna: akty i dokumenty, epizody krovavoi nedeli* [The Paris Commune: Acts and Documents, Episodes of that Bloody Week]. (Petrograd: Izdatel'stvo Kommunisticheskogo Internatsionala, 1920).